

ПОЛЯРНАЯ СОВА

Вьюгу бабочек белых
живую волною тепло
на холодные камни,
как будто весной, принесло.
В подвенечное платье
они одевали собой,
а потом собрались воедино
полярной совой.

Эта птица навывлет
пробила мороку мою.
Больше жить не могла я
у стылой реки на краю
и, стихи по камням рассыпая,
за белой совой
побежала, как нищенка,
вымолить встречу с тобой.
Мне, как ломтика свежего хлеба,
тебя не хватало —
точно в каменной гряде
от черствого оголодала...

Над землею за снежной завесой
своим чередом
увидала летящий без крыльев
серебряный дом,
и старик седовласый
сурово с крыльца поглядел —
строго-настрого мне за совою
ходить не велел.

Но к запретному небом
я шла — оступалась и шла.
И метелица снегом
меня в наказание жгла,
обвивала, душила,
в тяжелых сугробах топя...
А когда я нашла тебя —
я оттолкнула тебя.

Ямы нашей разлуки
накрыли морозные льды —
никогда я не выплыву
из-под парящей воды.
Рукавицею белой
мне зябкую руку не мни,
не нашептывай снова
про теплые летние дни:
как старинные кости,
они в мерзлоте омертвели —
серой пылью осыпались,
высохли, окаменели...

А сова подвенечное платье
надела сама.
Проливными дождями умылась
былая зима.
Облетевшие крылышки
с берега смыла вода.
Побережные камешки —
только следа, что слюда.
Этой гальки беспамятной
полную горсть набери —
вместо сердца холодного
юной жене подари.

ЗЕЛЕНый КЛУБОК

В разноцветных клубках тишины
наши души переплетены —
до тебя ни единого звука
не доносится из глубины.
Но в клубке из травы и ветвей
есть история речи моей,
чистой, как белоснежная птица —
с ней мы общих корней и кровей,
да сородичи наши почти
отреклись от нее на пути:
сами словно крыло отломали
и подкинули к небу — лети!..

Слово за слово — род пустяка,
да без речи, как без костяка:
человек, точно плюшевый мишка —
все едино, какая рука
приласкает...

Об этом и речь.

Голова его — стылая печь:
ледяною золою набита —
ни зажечь, ни от бед убережь.

Если на перекрестье дорог
ты горячий найдешь уголек,
в неразрывную нить путевую
травяной разматываешь клубок —
после у золотого огня
отогрей и для нового дня
окрыленную речь родовую.
А надежду возьми у меня.

ГОЛУБОЙ КЛУБОК

Ведала: редко выходишь
из дальнего дому
сонным туманом
к телесному свету земному.
Но ощутила однажды наутро:
с тобой
каждый мой сон
обратился в клубок голубой.

Долго от спиц
иномирная нить ускользала,
но — уловила
и теплое небо связала.
Только уснула,
тебе отдала полотно —
наново в сердце твоём
распустилось оно...

Спелую клюквой
заря в твои окна швырнула,
да настоящим огнем
от нее полыхнуло...
Я пробудилась —
и тоже едва не в огне:
дымная завесь
в моем заклубилась окне...

Та синева мне ночами
по-прежнему снится,
да меж землею и небом
потеряны спицы —

дважды связать не могу
голубой окоем...
Мы в сновидениях разных
отныне живем.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Стылою тоскою в душу вея,
избы в запустении лежат.
Сохлые скрипучие деревья
леших на дорогу ворожат.
Ты спешишь, напрасно ожидая
от затравяненной целины
маяка залиvistого лая
посреди крошечной тишины.

Из давно ушедших здесь бывает
редкостный — и разве что во сне.
Утром горький ливень оmyвает,
вечером оплакивает снег.
Миг еще — и родина истаёт:
полем станет, лесом зарастет.
Ни следа на свете не оставит —
в землю одичалую уйдет...

Сердце наполняя мерзлой дрожью,
стынет на душе лешачий вой.
Медленно идешь по бездорожью,
родину оставив за спиной —
по необратимому пути...
Потому что некуда прийти.

ФЕВРАЛЬ

Памяти Тани Кирпиченко

Казалось, что в театре, понарошку
февраль бросает ледяную крошку
и расправляет на смиренном теле
торжественное платье из метели.

Не то, чтобы его холодный шелк
тебе категорически не шел —
в нем воздуха тебе не доставало.
И легкая слезинка потекла,
как будто ты была еще тепла
и тесноту его превозмогала.

Но ветер задувал и запевал —
на снежный трон тебя короновал.
И заплясала под унылый вой
февральская пурга над головой...

А я живое знала торжество —
счастливый день крещения твоего,
когда сияла радостно: «Войдем!» —
свеча твоя под солнечным дождем.
Вдали гроза гуляла, грохоча —
в руке пылала чистая свеча...

И на твоём лице
в морозный час
далекий отсвет солнца
не угас.

ОДИНОКАЯ ЛИСТВЕННИЦА

Спеющая осень сквозь вечерний свет
проступает алыми огнями...
Бабушка сказала: там рябины нет —
только ели темные тенями.

Но, туда сентябрьским утром уходя,
ты искал иное — я-то знаю:
там за пеленою ветра и дождя
лиственница дремлет вековая.

Я опять сегодня плакала во сне.
Поднялась — лицо как неживое...
Снова голос твой в далекой стороне
различила в лиственничном вое.

Ветер надо мной куражится назло,
но опять в ночном тумане снится:
на верхушке лиственницы гнездо
вьет неумирающая птица.

* * *

Над головой
безоблачно и голо —
оглохла
ослепительная высь...
Давно зову.
Перехватило горло
от крика:
«Лебедь!.. Белый!.. Появись!..»
И, обретая в памяти
покой,
сама взлетаю птицей
над рекой.

Войдя в лебяжью
зоркую повадку,
у речки различаю
брата Вадьку.
Вон дядя Микул Ондрей
у берез,
что пожелтели
в утренний мороз.
Взмывая выше
над осенней грязью,
у дома вижу
бабушку Парасью,
а с нею — Светка,
младшая сестра,
рукою машет
посреди двора...

Обняв меня —
мол, надо торопиться,
они мне оставляют
по крупице
их радости, любви
и тишины...
И только взмахи крыльями
слышны.

*Перевод с коми
Андрея РАСТОРГУЕВА*